
УДК 94 (571.1) + 930 (091) «196»
DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-32-48

**«Вишневая косточка личности» Майи Ивановны Черемисиной:
начало научной карьеры в Новосибирском научном центре. 1960-е гг.**

Г. М. Запорожченко

Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В центре внимания – переломный этап биографии известного лингвиста М. И. Черемисиной, связанный с обстоятельствами включения в кадровый состав Новосибирского научного центра СО АН СССР в 1965 г. Доценту провинциального вуза, мечтавшей работать в современном научном коллективе, приглашения в новый наукоград было ждать не от кого. Страстная увлеченность наукой, глубокая общелингвистическая подготовка, самостоятельное профилирование в области матлингвистики, упорство и трудолюбие позволили ей завоевать авторитет в научном сообществе Академгородка и осуществить переезд на работу в Сибирь. Статья основана на документах, мемуарах, эпистолярном наследии М. И. Черемисиной.

Ключевые слова

М. И. Черемисина, лингвистика, матлингвистика, биографика, новосибирский Академгородок, Сибирское отделение РАН

Благодарности

Статья подготовлена в рамках научного проекта FWZM 2024-0008 «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов». Автор выражает благодарность за предоставленный документ А. А. Озоновой, Е. В. Шиплюк.

Для цитирования

Запорожченко Г. М. «Вишневая косточка личности» Майи Ивановны Черемисиной: начало научной карьеры в Новосибирском научном центре. 1960-е гг. // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 32–48. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-32-48

© Г. М. Запорожченко, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 53)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

**“The cherry stone of personality” of Maya Ivanovna Cheremisina:
the beginning of a scientific career at the Novosibirsk Scientific Center
The 1960s**

G. M. Zaporozhchenko

Institute of History of the Siberian Branch of RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The primary focus of this paper is the turning point in the biography of the esteemed linguist M. I. Cheremisina, related to her appointment to the staff of the Novosibirsk Scientific Center of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in 1965. Special attention is paid to the socio-anthropological dimension of science, in particular, the incorporation of women into the field of science. A methodological approach is actualized based on the modernization paradigm, the anthropology of academic life, biographistics, and gender history. The analysis covers documents, published memoirs, autobiography, letters, and diaries by Cheremisina. In the late 1950s, Cheremisina lived and worked in Tula. The experience of teaching at the pedagogical institute led her to engage in significant introspection. The education system suffered from subpar quality due to students' lack of interest in acquiring profound knowledge. Meanwhile, she longed for a full-fledged teaching and research job. While visiting Akademgorodok, she became convinced that it presented promising prospects for scientific and social advancement, due to the presence of a contemporary scientific community. Obtaining an invitation for both the job position and the apartment proved to be challenging. Nevertheless, the aid provided by her sister and colleagues proved to be highly advantageous. Profound enthusiasm for science, extensive linguistic expertise, accomplished track record in mathematical linguistics, unwavering determination, and diligent efforts established her credibility within the academic community of Akademgorodok. As a result, Cheremisina successfully executed a life strategy of relocating to Siberia for work.

Keywords

M. I. Cheremisina, linguistics, matlinguistics, biographica, Novosibirsk Akademgorodok, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the scientific project FWZM 2024-0008 «Society and power in Russia in the XX – early XXI centuries: political participation, communication, identity of actors».

For citation

Zaporozhchenko G. M. «Vishnevaya kostochka lichnosti» Maji Ivanovny` Cheremisinoj: nachalo nauchnoj kar'ery` v Novosibirskom nauchnom centre. 1960-e gg. [«The cherry stone of personality» by Maya Ivanovna Cheremisina: the beginning of a scientific career at the Novosibirsk Scientific Center. The 1960 s.]. *Yazyki i Fol'klor Korenykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 32–48. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-32-48 (In Russ.)

Введение

Доктору филологических наук, профессору Майе Ивановне Черемисиной посвящено немало публикаций научно-биографического и мемуарного характера [Кошкарева 2004; Цейтлин 2004; Прияткина 2004; Лукьянова 2013; Горелова 2019; Чугуненкова 2020; Савелова, Крайнева 2021; Запорожченко 2023]. В 2004 г. в связи с 80-летием ей был посвящен специальный номер журнала «Гуманитарные науки в Сибири». Персональный фонд сестер Карповых – Т. И. Заславской и М. И. Черемисиной хранится в электронном Открытом архиве СО РАН.

Неординарная личность, яркая и плодотворная жизнь М. И. Черемисиной продолжают привлекать внимание. Глобальный процесс трансформации социогуманитарной парадигмы, включающий антропологический поворот 1970-х гг. в социальных науках, затронул и проблемное поле науки. Он направляет исследовательский интерес к социально-антропологическому измерению науки, в частности, к изучению опыта инкорпорации человека в сферу науки в прорывных точках ее роста в академических городках во второй половине XX в. В связи с этим в статье впервые в фокус внимания выдвинут переломный этап биографии М. И. Черемисиной, связанный с обстоятельствами включения в научную жизнь Сибирского отделения АН СССР.

Подобный ракурс исследования актуализирует методологический подход, основанный на междисциплинарном синтезе логик модернизационной парадигмы социального знания, антропологии академической жизни, биографистики, гендерной истории.

Модернизационная парадигма осмысливает процесс формирования в СССР во второй половине XX в. зрелого индустриального общества с его рефлексией статуса науки как драйвера экономического развития в условиях глобальных вызовов и формирования новых технологических укладов [Водичев 2021: 135]. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации предполагала реализацию амбициозных проектов интенсификации сферы науки, в т. ч. учреждения Сибирского отделения АН СССР. При создании научных центров в восточных районах страны, и прежде всего в Новосибирске, наиболее отчетливо и полноценно в шестидесятые годы развернулась спонтанная институционально-личностная модернизация [Гордиенко 2014: 187–273], которая базировалась на новых, по сравнению с консервативной модернизацией сталинской эпохи, основаниях (принятие решений на личностном уровне, ответственная самостоятельность, автономный профессионализм, рост значимости ценностей активного индивидуализма – риска, новизны, самореализации). Она вписывалась в жизненные планы и метафизически обосновывала биографические смыслы граждан [Согомонов 2010: 274], прежде всего научной элиты, приносящей человечеству наиболее ценные плоды познания по усовершенствованию действительности [Карабущенко 2019: 178].

Углубленно рассматривая среду научного сообщества, *антропология академической жизни* изучает конкретный способ существования «академического» человека как носителя профессиональной субкультуры [Комарова 2008]. Обращение к *биографическому подходу* целесообразно как к инструменту для прояснения идей, открытий, эпохи через личность. Особое положение занимает биографический подход в интеллектуальной истории, краеугольным камнем которого является понимание неразрывности связи между жизнью и творчеством личности. При этом непосредственным *объектом* биографии является жизнь отдельного ученого, *предметом* оказывается социальная и культурная ситуация [Репина 2019: 16–17].

Биографическая индивидуализация нацеливает на использование *гендерного подхода*, который предполагает выяснение не только политики в отношении женщин и их места на рынке труда, но и степени и форм интериоризации культурных представлений общества о различиях мужского / женского в поле науки. Равенство женщины с мужчиной в советской системе интерпретировалось скорее, как обязанность женщины выполнять свой «долг перед государством» наравне с мужчиной. Реальная конструкция «освобождения женщины» была ориентирована в первую очередь не на женскую самореализацию, а на включенность женщины в коллектив для облегчения идеологического воздействия. «Обычная» советская семья характеризовалась неравномерным участием партнеров в домашних делах и заботе о детях, что влекло снижение возможности самоактуализации для женщин-ученых в силу противоречия между профессиональными и семейно-бытовыми ролями [Градскова 1998: 3, 15–16, 30]. В то же время «тотальная андрогиния» первых десятилетий советского тоталитаризма в начале 1960-х гг. сменялась «женским возрождением», связанным с осмыслением социокультурных ролей полов и ростом участия женщин в социальной жизни [Пушкарева 2012: 9].

Совокупность вышеозначенных представлений позволяет концептуализировать индивидуальную биоисторию в контексте оценки особенностей реализации женщинами-учеными своего интеллектуального потенциала в ходе модернизационных процессов хрущевской эпохи и создания Новосибирского научного центра.

Источниковую основу статьи составили документы, опубликованные мемуары, автобиография, эпистолярное наследие (письма, дневники) М. И. Черемисиной.

1. Новосибирский Академгородок 1960-х гг. – лучший вариант для научной работы и жизни

В период основания СО АН СССР в конце 1950-х гг. М. И. Черемисина жила и работала в Туле. Позади были годы учебы в МГУ (1942–1947), аспирантуре Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина (1947–1950)¹. В аспирантуре произошла смена специальности с «русской литературы» на «языкознание». Первым местом работы по специальности в 1950 г. был Томск, где муж Майи Ивановны П. Г. Черемисин заведовал кафедрой иностранных языков, она же вела семинары по лекционному курсу «Введение в языкознание» профессора А. П. Дульзона. В 1951 г. семья переехала в Тулу, где Майя Ивановна преподавала

¹ Архив НГУ. Ф. Р-1848. Д. 973-2. Л. 5.

на кафедре русского языка Тульского государственного педагогического института. В 1955–1956 гг. она работала советником кафедры лексики Института русского языка Китайской Народной Республики.

Как отметила Н. Б. Кошкарева, «в области русского языка Майя Ивановна оказалась самоучкой» [Кошкарева 2004: 144]. Действительно, при переводе из Ташкента, где она жила в эвакуации, в Москву экзамен по фонетике по ошибке был зачтен за весь курс современного русского языка со всеми его разделами – лексикой, морфологией, синтаксисом, которые она не изучала и не сдавала [Черемисина 2020: 281]. Это дало ей возможность в дальнейшем смотреть на многие вещи непредвзято, не через призму какой-то одной выученной концепции. Преподавание в Китае русского языка как иностранного «позволило взглянуть на привычные факты родного языка глазами инофона и увидеть в нем то, над чем носители языка даже не задумываются» [Кошкарева 2004: 144]. Все это вкупе со знанием систем французского и немецкого языков, изучение которых с детства являлось отдушиной, «приятным, личным делом» [Черемисина 2020: 199], сформировало глубокую языковую интуицию «мыслителя общелингвистического масштаба» [Прияткина 2004: 3].

В Туле в семье Черемисиных родилось трое дочерей. Тем не менее Майя Ивановна очень много работала, выполняя огромную преподавательскую нагрузку. Садясь готовить лекцию на очередную трудную тему, стремилась «сделать по-своему, не так, как в учебниках, а на это надо порядочно времени и сил затратить»², составляла заочникам в сессию «150 индивидуальных заданий по целому листу на машинке, чтоб никто ни у кого не мог списать – сколько часов работы!»³.

Однако преподавание в пединституте вызывало у нее много критических размышлений. «Жизнь ныне как-то ужасно бессмысленна и бесперспективна, – писала она. – В работе в институте никакого смысла и цели не вижу, и с каждым годом это все яснее и последовательнее. Ничто не нужно. Вуз не нужен, школа не нужна, мы не нужны. Всё слова, пустые слова, в которые никто не верит и даже вида не делают, что верят»⁴. Она жаловалась, что ее курс по структурной лингвистике и семинар по сравнениям сняли в пользу медицины и лишних часов физкультуры – «а зачем дураков учить?»⁵. За 15 лет работы в вузе «ведь НИ ОДНОГО не могу назвать студента, которому я могла что-то толкового дать. Никому ничего не нужно. Отсидел лекцию, сдал экзамен, получил диплом – и всё... Все знают, что подготовка у нашего сегодняшнего студента дрянная. Читать им некогда, и не хотят»⁶. «А как работать... если знание никому не нужно? Неужели до конца нашей жизни только это и будет?»⁷.

Между тем она жаждала полноценной работы, будь она преподавательская или научная: на досуге писала сочинение о материи в философском смысле⁸, отправляла совместно с «научным» другом Ф. А. Литвиным много докладов и статей в Москву, Горький, Воронеж, Орел, Смоленск, Самарканд⁹ не только без «заказа», но и без сколько-нибудь реальной надежды на публикацию: «Меня просто гораздо больше занимает сам процесс поиска решения, чем судьба написанного: вот и сейчас собираю материал по сравнениям без надежды опубликовать когда-либо»¹⁰.

Тон писем из Тулы становился все более грустным и беспросветным¹¹. Разъехались друзья, коллеги по кафедре не были единомышленниками¹². Ставку научного сотрудника ей, доценту

² Письмо М. И. Черемисиной Н. А. Клыковой 29.10.1962. Л. 1. Z1 542_159. Здесь и далее ссылки даны на материалы Открытого архива СО РАН. [Электронный ресурс]. Фонд Т. И. Заславской – М. И. Черемисиной. Семейная переписка. Переписка с друзьями и коллегами. Дневники. <http://odasib.ru/OpenArchive/> (дата обращения 30.08.2024).

³ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 20.12.1963. Л. 7. Z2 754_004.

⁴ Письмо М. И. Черемисиной Н. А. Клыковой 28.02.1962. Л. 9. Z1 542_104.

⁵ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 11.11.1963. Л. 3. Z3 713_212.

⁶ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 20.12.1963. Л. 7. Z2 754_004.

⁷ Письмо М. И. Черемисиной Н. А. Клыковой 28.02.1962. Л. 10. Z1 542_105.

⁸ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 11.11.1963. Л. 4. Z3 713_213.

⁹ Письмо М. И. Черемисиной Н. А. Клыковой 13.09.1961. Л. 1. Z1 541_181.

¹⁰ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 15.05.1963. Л. 1. Z3 711_148.

¹¹ Письмо Т. И. Заславской М. И. Черемисиной 30.01.1963. Л. 1. Z1 553_183.

¹² Письмо М. И. Черемисиной Н. А. Клыковой 02.01.1963. Л. 2. Z1 552_059.

Тульского пединститута, в 1964 г. не дали¹³. Тула за окном наводила уныние одним своим видом¹⁴. Пытаясь жить в опустевшей Туле, она клялась, конечно, что «пока будет связана с системой народного просвещения, будет стараться, чертыхаясь, отплевываясь, уличая себя в идиотизме и т. д., – стараться передать хоть кусочек, хоть обрывок живой эстафеты знания, а еще больше – стремления к знанию»¹⁵. Тем и манил ее новосибирский Академгородок, где с 1963 г. жила и работала младшая сестра Татьяна Ивановна Заславская: «Тут курсы читаются вообще по-другому: свобода и учебного плана, и программ. Каждый лектор имеет право читать по-своему. Ну, разумеется в пределах и по согласованию с кафедрой»¹⁶.

«О, соотечественники! Мне грустно! Вы цвет моего поколения! Вы, веселящиеся, умные и остроумные...», – писала Майя Ивановна сестре из тульского одиночества¹⁷. В феврале 1963 г. впервые в жизни Майя Ивановна села в самолет, посетила Академгородок, «бодрый, молодой, веселый, утопающий в белом пушистом снегу»¹⁸, и убедилась, что он открывал совершенно другие перспективы научной и социальной жизни, а главное – работы в современном научном коллективе. Она «страстно, всей душой» захотела туда [Черемисина 2020: 403]! В период создания ННЦ в конце 1950-х – начале 1960-х гг. обеспечение его научными кадрами происходило путем агитации на переезд в Сибирь известных ученых со своими учениками из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Одессы, Харькова, что гарантировало сохранение научных школ, преемственность традиций [Куперштох 1999: 27, 32]. Мало кому известной преподавательнице тульского пединститута с тремя детьми ждать приглашения было не от кого: «Никто меня не звал, к сожалению» [Черемисина 2020: 403]. Но идея переезда в сибирский наукоград не давала покоя, стала мечтой и целью.

2. Борьба за включение в кадровый состав Сибирского отделения АН СССР

Т. И. Заславская обещала сестре, что обязательно «вытащит» ее в Академгородок, но «все хлопоты упирались словно бы в какой-то камень, валун, намертво вросший в почву»¹⁹. Первоначальная негуманитарная направленность ННЦ явно не способствовала их планам. Великолепным случаем «показать себя, войти к людям с деловой стороны, а не со стороны знакомства, которая всегда немного подозрительна», могло бы стать участие во втором симпозиуме молодых ученых «Орудия и методы научного познания»²⁰ в марте 1964 г. в Академгородке. Несмотря на то, что Майя Ивановна переросла возраст молодых ученых 35 лет, она стала усиленно готовить доклад, ведь выступать предстояло перед высококвалифицированной аудиторией, главным образом математиков.

Доклад «Язык как моделирующая система» был подготовлен по совершенно новой для нее теме – математической лингвистике, что заняло несколько месяцев интенсивной работы. «Очень устала. Влезла в эти проблемы по уши, ночей не спала, все перечитала по этому вопросу (Ляпунова, Кулагину, Мельчука). Это нечто новое крайне интересовало, захватило с головой, было зверски любопытно. Язык. Знак. Действительность. Мир. Вещь. Модель. Походила малость на лекции по математике. На столе – «Основания геометрии» Гильберта, «Теоретическая арифметика», 4 тома «Проблем кибернетики», «Атомная физика» Бора, и рядом наши – «Модели языка» и тому подобное. Разве это не увеселение? В кибернетическом сборнике читала про теоретико-множественную концепцию языка. Все предстояло обдумать и не с кем посоветоваться. Ясно вижу, что работать одной ПЛОХО. Коллектив до зарезу необходим. Мышление. Сознание. Думание. Речь. Язык науки. Очень довольна, что занялась этой штукой. Ужас как много тут интересного! Как воспримет это аудитория? Много часов разговаривала о моделях с математиком Мишей Добровольским. Физика и лингвистика. А какая разница? Ведь структура-то одна. В Воронеже докладывала свои представления о «слово – термин – понятие –

¹³ Письмо М. И. Черемисиной Н. А. Клыкковой 29.10.1964. Л. 1-2. Z1 541_299 Z1 541_300.

¹⁴ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 08.12.1963. Л. 2. Z1 553_083.

¹⁵ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 05.1963. Л. 3. Z3 712_009.

¹⁶ Письмо М. И. Черемисиной Л. Я. Зориной 09.02.1963. Л. 2. Z3 596_123.

¹⁷ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 05.1963. Л. 1. Z3 712_007.

¹⁸ Письмо М. И. Черемисиной М. Г. Воскобойниковой (Де-Метц) 12.02.1963. Л. 1. Z2 576_151.

¹⁹ Письмо Т. И. Заславской М. И. Черемисиной 09.11.1963. Л. 1. Z1 553_226.

²⁰ Там же.

значение». Прозвучало! Слежу за советской литературой, но не могу за зарубежной. Все-таки в матлингвистике понимать начинаю, и очень мне это нравится! Почувствовала необъяснимый шарм новой системы мышления. Стало ясно – истина здесь, завтрашний день науки именно тут»²¹.

«Вишневой косточкой» своей личности Майя Ивановна назвала ночь, проведенную под грохот взрывов у гроба матери, убитой в первую же бомбёжку Москвы в июле 1941 г. Весь свой запас страха она изжила тогда²². Но не всегда ли крепла внутри нее эта твердь бесстрашия и упорства, начиная с безмятежного киевского детства? Они с сестрой росли горячо любимыми в семье дедушки – крупного ученого-физика, признанного главы киевской «консервативной профессуры» Г. Г. де Метца (бельгийская фамилия) и бабушки С. К. Крафт из немецких переселенцев с екатерининских времен, считавших себя русскими, но прежде всего европейцами [Черемисина 2020: 69–73]. Необычайно высокий в семье престиж чтения, изучения языков, постоянных мыслительных занятий, пример образованнейших отца и матери, в течение всей «двойной» мучительно искавших работу, которая позволила бы с их непролетарским происхождением не то что «жить», а хотя бы выбраться из нищеты [Черемисина 2020: 67], – все это формировало модель деятельного, подвижнического образа жизни.

В самые страшные, изнуряюще голодные годы в эвакуации в Ташкенте и военной Москве юная Майя работала, где только могла устроиться, чтобы прокормить себя (на уборке хлопка, в геодезической партии, трактористом), и училась: «Даже в самые критические моменты... желание учиться было сильнее всех преходящих желаний» [Черемисина 2020: 339]. В Ташкенте сначала выбрала горный факультет: «Он считался трудным и не женским, может, это меня и пленило» [Черемисина 2020: 235]. Лишь когда туда в эвакуацию «нагрязнула из обеих столиц гуманитарная интеллигенция и в Среднеазиатском государственном университете открылся филологический факультет, поняла, что ее место там» [Черемисина 2020: 280]. Преподавая удивительно работоспособным китайским студентам, она увидела, как можно и нужно работать [Черемисина 2004: 10]. Вернувшись в Тулу, едва справляясь с семейными хлопотами и тремя маленькими детьми, с головой ушла в освоение всего нового, что возникло в лингвистике за эти годы: «Чтобы следить за тем, что происходило тогда в науке, нужно было много сил и упорства. Нужно было прогрызать, плакать, но грызть новые книги с массой пугающих терминов» [Черемисина 2020: 397]. Она пользовалась каждой возможностью съездить в Москву: на конференцию, на рабочие совещания в университет, в институт иностранных языков. Наконец начала собственные лингвистические исследования.

Именно тогда в только что вышедшей из подполья лингвистике начался общий подъем и поворот к структурализму [Фрумкина 1997: 94]. В 1960 г. было создано отделение структурной и прикладной лингвистики на филологическом факультете МГУ, затем в Горьком (ныне – Нижний Новгород), Киеве. В 1963 г. на кафедре кибернетики НГУ в тесном контакте с группой московских специалистов открылась специализация по матлингвистике, которую продвигали А. А. Ляпунов, А. В. Гладкий, И. А. Мельчук, С. В. Яблонский, Б. А. Трахтенброт и др.²³. Как остро Майя Ивановна почувствовала пульс науки! Вот в Туле она читает книгу по кибернетике со статьей биолога, всемирно известного теоретика эволюционного учения XX в. И. И. Шмальгаузена, памятного по дедушкиному киевскому окружению, и размышляет: «А ведь закономерности развития и существования языка, как я их себе представляю, чрезвычайно близки оказываются к законам существования организмов – а в широком смысле к эволюционным процессам»²⁴. И в том же 1964 г. в НИЦ А. А. Ляпунов и Р. Л. Берг начали подготовку к публикации трудов И. И. Шмальгаузена [Шмальгаузен 1968]²⁵.

²¹ См.: Письма М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 31.01.1963. Лл. 1–6; 23.11.1963. Л. 1–4. Z3 713_142; 03.12.1963. Л. 1. Zc 510_047; 20.12.1963. Л. 5. Z3 713_205; 28.12.1963. Л. 3. Zc 510_153.

²² Открытый архив СО РАН. Фонд Т. И. Заславской – М. И. Черемисиной. Дневники членов семьи. Дневники М. И. Черемисиной. Записки для потомков. 1976.10. Л. 14.

²³ Письмо А. А. Ляпунова Т. Гавриловой. 12.1963. Лл. 1–2. Ly 239_023 Ly 239_024.

²⁴ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 24.02.1964. Л. 4. Zc 510_172.

²⁵ Письмо А. А. Ляпунова с просьбой оказать содействие в издании трудов академика И. И. Шмальгаузена. 1964. Открытый архив СО РАН. Фонд А. А. Ляпунова. Ly 236_079.

Не удивительно, что отправленные в Академгородок тезисы доклада получили очень высокую оценку ученых друзей Майи Ивановны из разных городов и Оргкомитета симпозиума. Ученый секретарь М. А. Розов счел направление доклада крайне перспективным, лежащим в общем русле симпозиума, видел в них материал по крайней мере для десяти докладов. Особенно заинтересовала проблема «язык – речь – наука», связанная с теорией знака. Социологов привлекла разработка темы о соотношении понятия и отражаемого им явления: «они бьются над этим как рыба об лед, но не могут продвинуться»²⁶. Майя Ивановна готовилась ехать на симпозиум в Академгородок. И...

Тезисы не приняли. Утвержденный в программе доклад в последнюю минуту был отвергнут А. А. Ляпуновым. Правда, Розов с самого начала говорил, что Ляпунов придерживался по этому вопросу противоположной точки зрения, но он не думал, что это могло повлиять на отбор докладов, и, наоборот, полагал, что спор придаст больший интерес обсуждению²⁷. Неожиданная новость ошеломила. Но не сломила. Майя Ивановна приняла участие в симпозиуме, прилетев в Академгородок без вызова: «Даже просто поговорить с людьми! Ведь вокруг никого нет»²⁸. Конференция, впрочем, показалась ей довольно бледной, «если не считать “дуэль” между физиком, профессором Румером и философом Щедровицким» [Черемисина 2020: 404].

Итак, надежды на продвижение в ННЦ посредством выступления на симпозиуме не оправдались, однако при этом был получен колоссальный опыт освоения новой темы на стыке математики и лингвистики: «Я нисколько не считаю себя в проигрыше! – писала она. – Так что даже сама немного удивлена этим непосредственным ощущением. За эти месяцы я очень много продумала и довольно много прочла. Я понимаю, насколько сложны те вопросы, в которые я влезаю. Но чтение разных вещей привело меня к твердому сознанию того, что выдвигаемые мной идеи – не бред»²⁹. Так Майя Ивановна из преподавателя провинциального вуза самостоятельно профилировалась в исследователя одной из передовых междисциплинарных областей науки.

Далее были трудные два года 1964–1965. Приглашения на работу в Академгородок (ставки и квартиры) оказалось добиться очень трудно. В НГУ на кафедре общего языкознания был объявлен конкурс на доцента. Майя Ивановна представила прекрасные характеристики, но было еще два конкурента. За нее по просьбе Т. И. Заславской усиленно хлопотал А. Г. Аганбегян. Благоприятную позицию занимали И. Н. Векуа, В. А. Аврорин, К. А. Тимофеев, А. И. Федоров, болела душой А. Н. Соскина. Однако и. о. ректора НГУ Р. И. Солоухин встретил их усилия очень неприветливо и сказал, что М. А. Лаврентьев за еще одну ставку филолога «живьем съест, потому что и так студенты-лингвисты обходятся уже на вес золота»³⁰. Кроме того, якобы Лаврентьев очень не любил брать на работу кого-то не из Академгородка, по-видимому, из-за дефицита квартир³¹. Принципиальным противником набора каких бы то ни было филологов являлся авторитетнейший А. А. Ляпунов, стремившийся решить вопрос о математико-лингвистической группе в пользу математиков³².

В это время Майя Ивановна тяжело болела, долго лежала в больнице. В стране происходил поворот в политической жизни, отстранение Н. С. Хрущева и приход к власти Л. И. Брежнева, что остро переживалось «оттепельной» общественностью. В семье Черемисиных назрел кризис, закончившийся разводом. Независимо от причин драмы было очевидно, что привычная гендерная нормативность была мало совместима с научными занятиями женщин. Тем более что сам П. Г. Черемисин не интересовался новыми направлениями, не ездил в Ленинку, не читал диссертаций, был сильным филологом, хорошим преподавателем, любимым студентами, но не исследователем [Черемисина 2020: 401]. Различия в глубинных ценностях Майя Ивановна считала фундаментальным обстоятельством, делавшим разрыв с ним оптимальным исходом: «С ним

²⁶ Письмо Т. И. Заславской М. И. Черемисиной 30.01.1963. Л. 2. Z1 553_184.

²⁷ Письмо Т. И. Заславской М. И. Черемисиной 20.02.1964. Л. 1. Z1 553_303.

²⁸ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 25.02.1964. Л. 9. Z2 754_037.

²⁹ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 25.02.1964. Л. 3. Z2 754_031.

³⁰ Письмо Т. И. Заславской М. И. Черемисиной 29.05.1965. Л. 1. Zc 747_117.

³¹ Письмо Т. И. Заславской М. И. Черемисиной 18.09.1965. Таня Майе. Л. 1. Zc 747_210.

³² Письмо Т. И. Заславской М. И. Черемисиной 08.04.1963. Л. 5. Z1 553_194; 22.04.1963. Л. 2. Z3 711_056.

я не могла быть самой собой, не могла развиваться в ту сторону, куда влекли меня мои внутренние потенции»³³. Поэтому переезд в Новосибирск планировался уже только для нее и детей.

Но перспектива переезда по-прежнему оставалась неясной. Майя Ивановна даже была почти уверена, что ничего не получится из-за «различия ее линии и линии Новосибирской лингвистической группы, которую там представляют математики»³⁴. Она, видимо, не знала, что И. А. Мельчук, например, предложивший в 1960-х гг. одно из лучших формальных описаний естественного языка, также не сошелся в научных взглядах с А. А. Ляпуновым, который его «мог бы понять, он был гениальный, но ему это было неинтересно слушать. Кроме того, он был занят миллионами разных дел» [Мельчук 1998: 7]. Тем не менее Мельчук разрабатывал в Институте прикладной математики АН под руководством Ляпунова систему машинного перевода [Митренина 2017: 6, 9] и много сотрудничал с ним в Академгородке.

Важно отметить, что в сложной ситуации с трудоустройством в ННЦ Майя Ивановна отнюдь не полагалась только на помощь сестры и ее коллег. Она рассылала резюме, искала другие варианты работы. Рассматривала Горно-Алтайск, Пржевальск (поближе к Тане), Ужгород, Измаил, Черновицы, Гомель, Витебск, Могилев, Ровно, Каменец-Подольск, Латвию и Литву (если Таня вернется в Москву): «Прельщает то, что маленькие города. Жизнь должна быть относительно спокойная и довольно сытная. И климат неплохой»³⁵. Ответы были положительные, особенно теплое письмо пришло из Мичуринска, она была склонна согласиться.

К ее огромной радости, именно в это время, в октябре 1965 г., ситуация в ННЦ разрешилась положительно: Майя Ивановна получила приглашение на работу в отдел гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР и по результатам конкурса на кафедру общего языкознания в НГУ³⁶. Ей с детьми выделили трехкомнатную (малометражную) квартиру с телефоном. В ноябре 1965 г. она переехала в Академгородок, в который уже давно была влюблена.

В НГУ Майя Ивановна преподавала на отделениях матлингвистики (курс структурной лингвистики, «который мало кто из лингвистов решался читать – дело было совсем новое» [Черемисина 2020: 404], современного русского языка, общего языкознания³⁷) и филологии наряду с известными филологами: В. А. Аврориным, Л. И. Богораз, Е. П. Лебедевой, К. А. Тимофеевым, приглашенными специалистами из Москвы и Ленинграда: Ю. Д. Апресяном, И. А. Мельчуком, А.К. Жолковским, Ю.С. Мартемьяновым, Е. В. Падучевой, С. Я. Фитиаловым, Г. С. Цейтиным; инициировала первые в Сибири крупные всесоюзные конференции в 1967, 1969, 1972 гг. со звездным составом участников – ведущих лингвистов Москвы, Ленинграда, Киева, Свердловска; в 1994 г. организовала и возглавила кафедру языков и фольклора народов Сибири [Лукьянова 2013: 8–9]. В Институте после защиты докторской разрабатывала новую тему – сопоставительного изучения языков коренных народов Сибири, подготовила много остепененных учеников. Трудилась, как всегда, очень много, во всех областях деятельности добиваясь фундаментальных результатов. Но главное – в Академгородке она получала совсем другие ощущения от работы: «Люблю я работать... В любые бурные дни работа – это бухта, в которой находишь успокоение и удовлетворение», – писала в 1968 г. И студенты в НГУ были совсем другие, умные и заинтересованные: «Накатала им здоровущую часть по методологии, про которую сама с опаской думаю... ничего, глотают»³⁸. Здесь вокруг нее в соответствии с академгородковскими традициями неформального общения ученых с учениками сложилось «черемисинское братство» [Прияткина 2004: 3]: «Майя Ивановна пекла вкуснейшие лепешки, заваривался чай, и все научное собрание получало дополнительный импульс – возникало чувство команды и коллектива» [Горелова 2019: 16]. Более подробные воспоминания Майи Ивановны о работе в Академгородке представлены в Приложении [см. Приложение].

³³ Коллекции фонда Т. И. Заславской – М. И. Черемисиной. Дневники и другие записи членов семьи. Дневники М. И. Черемисиной. Дневник 1974–1986 гг. Л. 9. Z2 560_009.

³⁴ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 02.06.1964. Л. 2. Zc 510_182.

³⁵ Письмо М. И. Черемисиной М. Л. Заславскому 27.04.1965. Лл. 4–5. Zc 747_056 Zc 747_057; Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 28.05.1965. Л. 2. Zc 747_112.

³⁶ universityclub.ru/home.asp?artId=8816

³⁷ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р. 1848. Оп. 1. Д. 279. Л. 32 об.

³⁸ Письмо М. И. Черемисиной Л. Я. Зориной 21.09.1968. Л. 2. Z3 596_172.

Заключение

М. И. Черемисина фактически вошла в сибирскую научную жизнь с боем. Ее пример персонафицировано выражал процессы институционально-личностной модернизации, демонстрировал синергетический эффект соединения возможностей, предоставленных ученым в 1960-е гг. государством, и личностных усилий. Зримым антропологическим и социальным последствием создания Сибирского отделения АН СССР и новосибирского Академгородка стало известное сглаживание гендерной асимметрии в поле науки, способствовавшее реализации женщинами своего интеллектуального потенциала в наиболее благоприятной в тот период обстановке бытового благоустройства и продуктивного междисциплинарного общения.

С другой стороны, характер М. И. Черемисиной с крепкой «вишневой косточкой», страстная увлеченность наукой, сохраненная духовно-ментальная связь с предыдущими поколениями интеллигенции позволили ей профессионально оценить и включиться в освоение одного из наиболее прогрессивных научно-технологических трендов второй половины XX в. «Нужно было много сил и мужества, чтобы идти по этой дороге», – писала Майя Ивановна³⁹. В то время считалось, что матлингвистика – это «что-то важное и закрытое, может быть, военное, компьютерное, связанное с криптографией, интересное, денежное», поэтому первоначально специальность складывалась как более мужская, чем женская⁴⁰. Но успех в науке, по мнению Н. Л. Пушкаревой, «зависел не от пола, а от готовности преодолевать сопротивление, от способностей к выстраиванию определенной жизненной стратегии» [Пушкарева 2011: 101]. Майя Ивановна, как и многие другие успешные в науке женщины, подтвердила правило, что профессиональное утверждение женщин в «мужском» мире науки происходило по линии усвоения маскулинных ролевых моделей и опиралось на талант и фундамент реальных достижений, эквивалентных колоссальным жизненным усилиям.

Список литературы

- Водичев Е. Г. Траектории экономических реформ: наука и научная политика в годы «хрущевского десятилетия» // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 135–144.
- Гордиенко А. А. Новосибирский Академгородок – реликт «утраченного мира» или «Силиконовая тайга». Новосибирск: Ин-т философии и права СО РАН, 2014. 386 с.
- Горелова Л. М. Майя Ивановна Черемисина // Предложение как единица языка и речи. Новосибирск: Академиздат, 2019. 208 с. С. 12–20.
- Градскова Ю. В. «Обычная» советская женщина: обзор описаний идентичности. М.: Sputnik, 1998. 158 с.
- Запорожченко Г. М. Воспоминания известных ученых как исторический источник. Рецензия: Черемисина М. И. Мои воспоминания / ред.-сост. А. А. Озонова, Е. В. Шиплюк; Рос акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: СО РАН, 2020. 493 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 200–205.
- Карабущенко П. Л. Научная элита в контексте ее исторического развития // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Астрахань, 2019. С. 178–188.
- Комарова Г. А. Антропология академической жизни в постсоветском контексте // Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2008. С. 5–26.
- Кошкарева Н. Б. К 80-летию со дня рождения Майи Ивановны Черемисиной // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2004. Т. 3. № 1. С. 143–146.
- Куперитох Н. А. Кадры академической науки Сибири (середина 1950 – 1960-е гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. 151 с.
- Лукьянова Н. А. Развитие русистики на гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета (60-е годы XX – начало XXI века) // Вестник НГУ. 2013. Т. 12. Вып. 2: Филология. С. 7–15.

³⁹ Письмо М. И. Черемисиной М. Г. Воскобойниковой (Де-Метц) 28.12.1963. Л. 3. Зс 510_153.

⁴⁰ «Взрослые люди». Беседа с математиком Владимиром Успенским. <http://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=8816>

Мельчук И. А. Как начиналась математическая лингвистика // Очерки истории информатики в России / Ред.-сост. Д. А. Поспелов, Я. И. Фет. Новосибирск: Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН, 1998. 664 с. С. 1–12.

Митренина О. В. Назад, в 47-й: к 70-летию машинного перевода как научного направления // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 5. № 3. С. 5–12.

Пряткина А. Ф. Черемисинское братство // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 4. С. 3–5.

Пушкарева Н. Л. Женщины в советской науке. 1917–1980-е гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 92–102.

Пушкарева Н. Л. Гендерная система в России XX века и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. Вып. 117. М., 2012. № 5. С. 8–24.

Репина Л. П. Биография в контексте «глобальной микроистории» // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики: мат-лы Всерос. науч. конф. с межд. участ. (Чебоксары, 18 апреля 2019 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 12–18.

Савелова О. А., Крайнева И. А. Электронный архив сестер Карповых: история научной династии // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 1–10.

Согомонов А. Ю. Этика догоняющей модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 269–276.

Фрумкина Р. М. О нас – наискосок. М.: Русские словари, 1997. 240 с.

Цейтлин С. Н. Похвальное слово Майе Ивановне Черемисиной // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 1. С. 3–4.

Черемисина М. И. Автобиография // Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. С. 8–13.

Черемисина М. И. Мои воспоминания. Новосибирск: СО РАН, 2020. 493 с.

Чугуненкова А. Н. Майя Ивановна Черемисина: памяти Учителя // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 3 (27). С. 72–78.

Шмальгаузен И. И. Кибернетические вопросы биологии / Под общ. ред. и с предисл. Р. Л. Берг и А. А. Ляпунова. Новосибирск: Наука, 1968. 224 с.

References

Cheremisina M. I. Avtobiografiya [Autobiography]. In: *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 896 p. (In Russ.)

Cheremisina M. I. *Moi vospominaniya* [My memoirs]. A. A. Ozonova, E. V. Shplyuk (Eds.). Novosibirsk, SB RAS, 2020, 439 p. (In Russ.)

Chugunenkova A. N. *Mayya Ivanovna Cheremisina: pamyati Uchitelya* [Maya Ivanovna Cheremisina: in memory of a Teacher]. *Sayan-Altai scientific review*. 2020, no. 3 (27), pp. 72–78. (In Russ.)

Frumkina R. M. *O nas – naiskosok* [About us – obliquely]. Moscow, Russkie slovari, 1997, 240 p. (In Russ.)

Gordienko A. A. *Novosibirskiy Akademgorodok – relikht “utrachennogo mira” ili “Silikonovaya taiga”* [Akademgorodok is a relic of the “lost world” or “Silicon taiga”]. Novosibirsk, Institute of Philosophy and Law SB RAS, 2014, 386 p. (In Russ.)

Gorelova L. M. *Mayya Ivanovna Cheremisina*. In: *Predlozhenie kak edinicza yazyka i rechi* [Sentence as a unit of language and speech]. Novosibirsk, Akademizdat, 2019, pp. 12–20. (In Russ.)

Gradskova Yu. V. *“Obychnaya” sovetskaya zhenshchina: obzor opisaniy identichnosti* [“Ordinary” Soviet woman: a review of descriptions of identity]. Moscow, Sputnik, 1998, 158 p. (In Russ.)

Karabushchenko P. L. *Nauchnaya elita v kontekste ee istoricheskogo razvitiya* [The scientific elite in the context of its historical development]. In: *Voprosy elitologii: filosofiya, kul'tura, politika* [Questions of elitism: philosophy, culture, politics]. Astrakhan, 2019, pp. 178–188. (In Russ.)

Komarova G. A. *Antropologiya akademicheskoy zhizni v postsovetskom kontekste* [Anthropology of academic life in the post-Soviet context]. In: *Antropologiya akademicheskoy zhizni: adaptatsionnye protsessy i adaptivnye strategii* [Anthropology of academic life: adaptive processes and adaptive strategies]. Moscow, IEA RAS, 2008, pp. 5–26. (In Russ.)

Koshkareva N. B. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Mayi Ivanovny Cheremisinoi [On the 80th anniversary of the birth of Maya Ivanovna Cheremisina]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2004, vol. 3, no. 1, pp. 143–146. (In Russ.)

Kupershtokh N. A. *Kadry akademicheskoy nauki Sibiri (seredina 1950 – 1960-e gg.)* [Personnel of academic science in Siberia (mid-1950 s – 1960s)]. Novosibirsk, SB RAS, 1999, 151 p. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. Razvitiye rusistiki na gumanitarnom fakul'tete Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (60-e gody 20 – nachalo 21 veka) [The development of Russian studies at the Faculty of Humanities of Novosibirsk State University (1960 s – the beginning of the 21st century)]. *Vestnik NSU*. 2013, vol. 12, iss. 2: Philology, pp. 7–15. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. Kak nachinalas' matematicheskaya lingvistika [How mathematical linguistics began]. In: *Ocherki istorii informatiki v Rossii* [Essays on the history of computer science in Russia]. D. A. Pospelov, Y. I. Fet (Eds.). Novosibirsk, Scientific-Publishing Center of the V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy of the Siberian Branch of the RAS, 1998, pp. 1–12. (In Russ.)

Mitrenina O. V. Nazad, v 47-y: k 70-letiyu mashinnogo perevoda kak nauchnogo napravleniya [Back to the 47th: to the 70th anniversary of machine translation as a scientific field]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2017, vol. 5, no. 3, pp. 5–12. (In Russ.)

Priyatkina A. F. Cheremisinskoe bratstvo [Cheremisinsky brotherhood]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2004, no. 4, p. 3–5. (In Russ.)

Pushkareva N. L. Zhenshchiny v sovetskoy nauke. 1917–1980-e gg. [Women in Soviet science. 1917–1980]. *Voprosy istorii*. 2011, no. 11, pp. 92–102. (In Russ.)

Pushkareva N. L. Gendernaya sistema v Rossii 20 veka i sud'by rossiyanok [The gender system in Russia 20th century and the fate of Russian women]. *New Literary Observer*. Moscow, 2012, no. 5, pp. 8–24. (In Russ.)

Repina L. P. Biografiya v kontekste “global'noy mikroistorii” [Biography in the context of “global microhistory”]. In: *Paradigmy rossiyskoy istorii skvoz' prizmu biografistiki: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhd. uchast. (Cheboksary, 18 apr. 2019 g.)* [Paradigms of Russian history through the prism of biography: proceedings of the All-Russian scientific conference with international participants (Cheboksary, 18 April 2019)]. O. N. Shirokov et al. (Eds.). Cheboksary, ID “Sreda”, 2019, 216 p. (In Russ.)

Savelova O. A., Krayneva I. A. Elektronnyy arkhiv sester Karpovykh: istoriya nauchnoy dinastii [Electronic archive of the Karpov sisters: the history of the scientific dynasty]. *Historical Courier (Istoricheskiy Kurier)*. 2021, no. 2 (16), pp. 1–10. (In Russ.)

Shmal'gauzen I. I. *Kiberneticheskie voprosy biologii* [Cybernetic questions of biology]. R. L. Berg, A. A. Lyapunov (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 1968, 224 p. (In Russ.)

Sogomonov A. Yu. Etika dogonyayushchey modernizatsii [Ethics of catching up modernization]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2010, no. 6, pp. 269–276. (In Russ.)

Tseytlin S. N. Pokhval'noe slovo Maye Ivanovne Cheremisinoi [Praiseworthy word to Maya Ivanovna Cheremisina]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2004, no. 1, p. 3–4. (In Russ.)

Vodichev E. G. Traektorii ekonomicheskikh reform: nauka i nauchnaya politika v gody “khrushchevskogo desyatiletia” [Trajectories of economic reforms: science and scientific policy in the years of the “Khrushchev Decade”]. *Ural Historical Journal*. 2021, no. 4 (73), pp. 135–144. (In Russ.)

Zaporozhchenko G. M. Vospominaniya izvestnykh uchenykh kak istoricheskiy istochnik. Retseziya: Cheremisina M. I. Moi vospominaniya. Novosibirsk, SO RAN, 2020, 493 s. [Memoirs of famous scientists as a historical source. Review: Cheremisina M. I. My memoirs. Novosibirsk, SB RAS, 2020, 493 p.]. *Tomsk State University Journal of History*. 2023, no. 83, pp. 200–205. (In Russ.)

Почти 20 лет на кафедре общего языкознания

31 марта 84 года Кириллу Алексеевичу Тимофееву исполняется 70 лет. И мы знакомы с ним, – это даже кажется странным! – больше двадцати лет. Когда-то «двадцать лет» казалось огромным промежутком времени. А теперь – время так сжимается... Совсем это было недавно – мы с Таней прилетели в совсем молодой Академгородок... Остановились в гостинице: «Золотой долины» тогда ещё не было, гостиница располагалась в здании, где теперь красная поликлиника. А напротив было кафе «Улыбка» – тогда в самом деле похожее на улыбку.

...Только когда идёшь по сосновому лесу, по той тропинке, за Геологией и дальше вниз, по которой тогда, много лет назад, ходили мы на гумфак... Когда ещё не было второго здания НГУ, и мы занимались в здании за ВЦ... Идешь по этому лесочку теперь, смотришь на сосны и понимаешь, что немало лет нужно было им, чтобы так вытянуться. Вдвое ниже были тогда эти сосенки. Вдвое длиннее был наш пеший путь из дома на занятия и обратно. А давался он нам всем, и Кириллу Алексеевичу, и мне, вдвое легче, чем теперешний, гораздо более короткий. Мы были на двадцать почти лет моложе тогда...

Нам были отведены в этом здании за ВЦ четвертый и пятый этажи. Был коридор, довольно широкий и длинный. Был, помнится, холл по середине. Окна аудиторий большей частью выходили вперед, в сторону главного входа. И однажды на лекции я глянула из окна, а на клумбе, уже занесенной снегом, сидит большой такой, ещё не перелинявший, что ли, заяц-русак...

В вечерние часы по коридору гулко раздавались шаги Дамы с палкой. Она сочиняла стихи, и килограмма по два за раз приносила их на суд Кирилла Алексеевича. Посещала лекции и практические занятия «в добровольном порядке», была влюблена в студента Мокеенко, на радость и потеху всей группы. Было ей уж за 40...

Был тогда здесь Танкред Голенпольский, который сейчас в Москве, и живет неплохо. Он был, безусловно, человек не без таланта, яркий... Но к какой жизни был он призван?.. Может быть, как раз к той, которую он и обрел. И уж конечно не к той, которая ему причиталась как преподавателю, – старшему преподавателю! – английского языка на гумфаке НГУ! Он ведь должен был блистать, для него блеск был такой же потребностью, как воздух, и, вероятно, больше, чем хлеб...

О Танкреде мне помнится всё больше смешное. Всякие штучки, которые он выкидывал, в своё время меня возмущали: мне было трудно понять их природу и принять их естественность. А теперь даже те его номера, которые дорого мне обходятся даже и до сих пор, – и то вспоминаю с усмешкой... Он ведь выдал себя Абе́лу за заведующего кафедрой, когда тот пришел разговаривать, чтоб устроить меня на гумфак, ещё в 63 году. Если бы тогда я приехала, я имела бы, вероятно, трехкомнатную квартиру... Но он выдал себя за зав. кафедрой, требовал с Абе́ла «за меня» магнитофон, а ни Кириллу Алексеевичу, ни Аврорину ни слова обо мне не сказал. И когда я приехала «читать спецкурс по структурной лингвистике», все реальные власти шарахались от меня... А я ведь тогда в толк не могла взять, почему они смотрят на меня так, будто я свалилась с луны, и они ничего обо мне знать не знают, ведать не ведают...⁴¹

Это уж много-много спустя я узнала, сама не помню откуда, как было дело...

Был тогда Эзра Маркович, переселенный из бывших румынских земель. Вся его родня в период добровольного присоединения этих земель к Советской России благополучно улизнула на Запад, а Эзра с супругой захлопулись в мышеловке. Когда началась война, их от греха сослали в Сибирь. Тут они и жили, пока не открылась возможность уехать в Израиль.

В Университете тогда, как было положено, провели осуждающий его митинг. Кто-то молчал, кто-то сказал «ай-ай-ай!» Кто-то произнес положенную для таких случаев речь. А Эзра ходил счастливый. Его жена за все эти годы не научилась даже говорить по-русски. В магазин пойти не могла. Вот сколько лет у неё из жизни, в сущности, было вычеркнуто. Эзра хоть как-то, – не так, как хотел и мечтал, но жил. Даже диссертацию успел защитить. Преподавал, зарабатывал, ходил в кино, видел людей. А она-то – почти как в одиночном заключении, в сибир-

⁴¹ Более подробно Майя Ивановна рассказывает об этом эпизоде в «Моих воспоминаниях» [Черемисина 2020: 404–405].

ской без малого если двадцатипятилетней ссылке...

Были матлингвисты, которыми командовал непокладистый Гладкий. Был Феликс Д., который защитил диссертацию про скобки, а потом как-то потрясающе быстро, глазом никто не успел моргнуть, ему доцента присвоили. Очень в высоком почете была тогда всякая математика, – даже когда совсем никакой математики не было, одно это слово уже внушало почтение просто невообразимое. Доцента он получил, но неучем как был, так и остался. На занятиях такую нес околесицу, что хоть святых вон выноси. Студенты его не любили, не уважали, – группы-то матлингвистические собирались из сильных и умных ребят. Говорили: проверил бы кто-нибудь, что он читает!

Кирилл Алексеевич пошел в один прекрасный день к нему на занятия. Послушал его один час... Вышли они, – Дрейзин впереди, Кирилл Алексеевич за ним... Собирается не с мыслями, а со словами, которыми можно своё впечатление выразить, чтоб не совсем уж обидеть новоиспеченного наставника молодёжи... «...Вы бы, – говорит стеснительным интеллигентским голосом, – перед занятием что-нибудь почитали! Это ведь очень просто, доступно освещено у Пешковского... Как раз то, что вы сегодня... э-э.. не совсем доходчиво объясняли...» На что Дрейзин, уже из дверей деканата-преподавательской, только слегка голову повернув назад, в сторону Кирилла Алексеевича: «А что мне Пешковский! Вот скоро свою кандидатскую диссертацию защитит Жолковский!..» («вот уж он вам покажет!») – угадывалось в интонационной незавершенности фразы).

Первые абитуриенты пришли на гумфак ещё до меня. А вот первый выпуск был уже при мне. Я тогда не была ещё, помнится, в ГЭКе... Первая дипломница у меня была Саша Захарова, она кончала в 1967 году, а первый выпуск был, наверное, в 1966-м?.. Ну, только я сидела дома, когда за мной кто-то пришел и передал просьбу прийти на заседание ГЭК. Слушали защиты тогда Кирилл Алексеевич и Александр Ильич вдвоем. Конечно, кто-то ещё был за председателя, но нравы тогда были вольные, и реально они были вдвоем. Нина Петровна, Нина Александровна, Ким и другие были тогда аспирантами. Женя Шерешевская и Галя... как же её фамилия-то была? Быковченко. Потом уже стала Павловой... Тогда студентками были, на 3 или 4 курсе.

Призвали меня тогда в ГЭК «по делу о Наде Губиной». Она писала диплом у Кирилла Алексеевича, и он её работу оценивал как отличную. А Александр Ильич, как это с ним нередко бывает, почему-то сильно взъярился и заявил, что она даже тройки не заслуживает. Но на тройку он, так и быть, согласен, однако никак не более. Что тут делать? ...Вот и понадобился третий судья.

Исход дела сразу был очевиден: я должна была признать, что работа хорошая, «на четверку». Но ведь не просто прийти и сказать – «хватит вам спорить, ставьте «4» и по домам»... Посадили меня честь по чести за стол, положили передо мной напечатанную дипломную, страниц на 60, в серо-зелёном переплёте, и читала я её добросовестно часа три подряд. Решение, естественно, оригинальным не оказалось. Спорящие стороны возражать не стали, тем более что за компромисс голосовал и желудок. Буфета тогда на ВЦ никакого не было, ГЭК заседал с утра, а когда я кончила читать манускрипт, дело если и не шло к полуночи, то уж во всяком случае было вполне темно. В июне у нас ведь поздно темнеет.

С тех пор минуло так много и приемов, и выпусков. Сколько прошло студенческих поколений... Не раз изменялся и внешний вид поступающих, и их манера держаться, мера скромности и развязности... Да и мера любознательности, мера готовности и способности осваивать знания – это тоже далеко не константа... Это определяется эпохой, системой ценностей данного момента, подъёмом престижности и падением престижности разных родов наук, да и вообще разных родов занятий...

В 60-е годы, особенно в их начале, был высок престиж и науки вообще, и точных наук особенно. Поэтому наше отделение матлингвистики стягивало к себе студенческую элиту. Высок был престиж Академгородка, нашего Университета. На всех факультетах были зверские конкурсы, – по 11, по 13 человек на место бывало и у нас, и у историков... Это уже слишком много, из 12-13 отобрать наилучших труднее, чем из 7-8 или 5-6 претендентов. Но всё равно, тогдашние наборы были сильными.

Потом, уже в 70 годы, престиж точных наук упал. Снизились, а затем и вовсе сошли на нет конкурсы на математический факультет. Сильно понизился конкурс и на другие факультеты.

На гуманитарный он тоже упал – с 12-13, это был «пик», до 5-6. И вот, вроде как держится на этом уровне. Но теперь и эта цифра стала едва ли не «пиковой». Молодежь сейчас гораздо сильнее, чем раньше, тянется к гуманитарному знанию. Но общий спад в отношении к науке сказывается, конечно же, на абсолютном значении конкурсной цифры. В предстоящие годы прогнозируется дальнейшее падение курса высшего образования в целом. Да и как может быть иначе, коль скоро оно до такой степени обесценилось...

Да, многое изменилось в наших наборах и выпусках. Только вот соотношение девочек-мальчиков остаётся из года в год почти неизменным... Мало мальчиков. И, к сожалению, среди тех, кого волей рока забрасывает на гумфак, очень редко могут быть причислены не то что к лучшим, а просто к достойным представителям своего пола.

...Был, к примеру сказать, у нас выпускник З. Прирабатывал в славной газете «За науку в Сибири». Напечатал там заметку – на юбилей Иоганна Васильевича Гегеля. Сильно был пьющий юноша.

...Был ещё царь Солтан, – по фамилии С., по имени, помнится, Станислав. Чрезвычайно нахален был, и притом одновременно и глуп, и пил, и играл. Похвалялся, что сбросит «всех этих баб», включая и Елизавету Ивановну, и меня, и своего руководителя, Александра Ильича. И «воцарится»... Однажды, когда Елизавета Ивановна меня оставила её замещать во время её отпуска, ко мне табельщица тогдашняя подошла: что, дескать, делать, Солтана нет на работе восьмой уж день, и дома нет, и сведений нет: то ли болен, то ли что? Я говорю – ставьте отсутствие, раз он отсутствует. Ну, Александр Ильич сильно расстроился, обеспокоился, поехал его разыскивать. Тогда говорилось – болеет, мол, без больничного. Теперь говорит – продурлся он, говорит, тогда так, что и штаны проиграл. Оголодал весь, выйти не в чем. И жена ушла. Приехал он, добыли штаны, стал человек по всей форме.

В Томске он защищался. Из уважения к Ильичу томские дамы проголосовал «за»... Ещё сколько-то времени прошло, и совершил Стас Солтан едва ли не единственный свой благородный поступок: пришел на Отдел расклад, кого-нибудь сокращать. Ну, оно и так ясно, на кого бы компас указывал. Однако Стас сам вызвался и уволился по собственному желанию. ...Поехал от нас на ширую Украину, в город Нежин, к огурчикам и к рябине. Понес в далекие земли славу нашего Университета.

...Да и только ли в нашем Университете?! Очень бедна филология кадрами мужественного пола....

Как не вспомнить в этом контексте незабываемого Мих-Мих О., из под власти которого я попала непосредственно под крыло и опеку Кирилла Алексеевича Тимофеева?

Однажды какое-то «пост-защитное мероприятие» проводилось в ресторане гостиницы «Золотая долина», – это когда ещё у нас в НГУ был свой Совет. Столы широко стояли, через весь зал, поперек. Я в одном конце сидела, а в другом конце Баранникова Лидия Ивановна, она первым оппонентом была. Что-то она говорила, вдруг прервалась на полуслове, и в нашу сторону: «Что-что?».

Мне показалось, – или в самом деле в том углу кто-то про Мих-Мих О. что-то сказал в положительном смысле?!» – «Что вы, что вы! – дружно ответили ей голоса из нашего угла, – как же это возможно? Плохое, только плохое!»

И ведь действительно – только плохое. Но это отдельная повесть, и сейчас он вспомнился мне лишь в контексте – и по контрасту. Ведь это даже трудно вообразить себе, как мне было странно, как всё не верилось, что так бывает – когда я от Мих-Миха сюда приехала... Это только те и могут понять, кому довелось с Мих-Михом работать или с ему подобными. А на нашей кафедре здесь, в НГУ, работают все, как на подбор, те, кто испокон веку своего только тут и работает, и другой руки над собою не знает. И всё, что тут есть, кажется им естественным, и больше внимания привлекают к себе недостатки.

И вещи познаются сравнением, и люди познаются сравнением...

Двадцать лет позади...

И конечно, теперь я вижу Кирилла Алексеевича не так, как вначале, – я, смею сказать, теперь гораздо лучше знаю его, он не «Икс»... Но всё равно, – это феномен... Явление...

Ни о Мих-Мих О., ни о Феликсе Д. так не скажешь.

И Кирилл Алексеевич вовсе не оригинал. Он очень естественный человек, совсем не придуманный, ни во что не играющий. Очень домашний. Когда смотришь на них с Еленой Багратов-

ной, кажется – ну, что может быть естественней, чем быть «естественными людьми», как они?

Но это ведь так редко бывает. И стоит задуматься: почему? Что в этом трудного что сложного, почему не получается у других?

А какое положительное действие эта естественность оказывает на всех нас, членов кафедры, которой Кирилл Алексеевич руководит столько лет... Мы этого не замечаем, не думаем об этом, просто работая на кафедре месяц за месяцем, год за годом. Двадцать лет позади, – а вспомнить: сколько было на кафедре серьёзных конфликтов? ...Да словно бы и не было их?! ...Да нет, они были, возникали – но не разгорались. Не было кислорода для их разгорания в той атмосфере, которая создалась и держится на этой кафедре. Было – и когда Александр Ильич ополчился, пошел войной на Нину Александровну... И с Женей Шерешевской был конфликт у меня и у Нины Александровны. Да что говорить, где люди, где интересы живые, не может не возникать каких-то недовольств, спорных вопросов, ситуаций для какого-то взаимного недовольства. И очень важно, как поведет себя, куда направит развитие событий та рука, которая сверху.

Мне кажется, что за все двадцать лет не было такой ситуации, чтобы кто-то о чем-то попросил Кирилла Алексеевича, что было бы в его власти и в его возможностях, и чтобы он не пошел навстречу. Только вот очень существенно это – «в его возможностях».

Каждый человек таков, как он есть, со своим хорошим и со своими слабостями. И правильно это сказано, что наши недостатки продолжают собой наши достоинства. Кирилл Алексеевич мягок и интеллигентен. Поэтому мне очень трудно представить себе того человека, который решился бы нахамить ему, – хотя, конечно, и такие люди есть. И даже были на наших глазах, – далеко ли ходить: Вера Игнатьева. Но все-таки это трудно, и когда случается – поражает... Но ведь и наоборот: невозможно представить себе, чтобы Кирилл Алексеевич что-то «пробивал» так, как это умеют и могут другие...

У каждого свои слабости. И надо уметь их – не прощать, а стараться просто не видеть. По-чаще вспоминать, что каждый из нас, и ты сам, конечно же, вовсе не идеал человеков. И тогда становится отраднее на душе от того, что вот, есть рядом с тобой человек, о котором ты можешь долго говорить и думать – и на память твою приходит только хорошее.

...Может быть, когда-нибудь и про тебя кто-нибудь вспомнит и подумает – хорошо... Это ведь и значит, что не зря проживается жизнь среди людей.

Немножко воспоминаний о Томске

Приехала я в Томск в 1950 году, безуспешно закончив аспирантуру при кафедре русской литературы в Московском городском педагогическом институте. Мои внутренние счета с литературоведением были закончены ещё в тот день, где-то в середине второго курса, когда маститые профессора и доценты, авторы книг и учебников, под водительством Александра Ивановича Ревякина по методу поднятия рук присуждали столпам и опорам русской литературы звания народных, национальных и партийных. Сперва-то обходилось и без поднятия дланей: Пушкину единодушно дали народного, Лермонтову, надо быть за то, что попросил себя застрелить в пределах комсомольского возраста, тоже без споров ограничились национальным. За робость мыслей и длительное пребывание в загранке в том же ранге оставили грустить Ивана Сергеича, а Николаю Иванычу как натуральному русаку отвалили опять народного. Но вот как дошло дело до Чернышевского, разыгрались страсти. Кто пошире душой, предлагали партийного. А которые на страже, понаторели по линии кадров, те зрели в корень: а где партийный билет? Нету!!! Какой может быть партийный без партбилета? Тут и дошло до поднятия рук.

А я тем временем уж совсем поняла, что это не моя компания и не моя стезя. И, видно, так углубилась в мысли о том, где же она, моя-то, что не запомнила самого главного: что же Гаврилычу-то присудили? Так и живу, не зная.

Ну, а параллельно с прохождением этой аспирантуры ездила я подрабатывать в Гомель-Гомель. Читала там множество любопытных курсов по кафедре русского языка. Делала это с удовольствием и охотой, – и тем самым упомянутая выше стезя сама собой и начала прокладываться.

Весной на последнем курсе я ездила в командировку в Ленинград, в рукописный отдел, разбирала там черновики очерков «За рубежом», которые должны были послужить – и таки послужили, хотя и не скоро, – базой первой моей диссертации. Там, в Ленинграде, познакомилась

со своим сперва будущим, а затем бывшим мужем. А через несколько месяцев с ним вместе и приехала в город Томск.

Как сейчас я смотрю, город Томск – вполне ничего себе город. Куда лучше нескладного Новосибирска, который вообще не имеет никакого лица. Но тогда Томск моего сердца не тронул. Был мне чужой, как, естественно, и я ему была столь же чужая. Особенно ёлки меня донимали: длинные, тощие, как спички. Ёлке положено быть широкой, разлапистой. А на эту как гляну – но просто впору завыть.

Приехали мы осенью, 7 сентября. Учебный год только раскачивался. 8-го пришла я в пединститут со своей путёвкой из министерства. Показали мне дверь, за которой снова две двери в разные стороны: к директору и к заместителю по научно-учебной. Между дверями комната, где полагается быть секретарше. Села я подождать в одиночестве. А директорская дверь самую чуточку приоткрылось, и льётся из этой щелки такая отборная, такая народная, национальная – и, надо думать, партийная речь! Ну, то есть – просто заслушаться можно... Это директор вел воспитательную работу среди завхоза.

Назначили меня, соответственно, ассистентом кафедры русского языка и поручили – во-первых, читать спецкурс про односоставные предложения, во-вторых, проводить педпрактику, в третьих, вести практические занятия за лекциями А. П. Дульзона, а в-четвертых и в-пятых что-то ещё, вроде диктантов. Бог его ведаёт, как я с этим справлялась. Скорее всего весьма и весьма посредственно. Из всех этих нагрузок, если делом, я могла выполнять сносно только одну: практикум по языкознанию. Этот курс я читала в Гомеле и знала его неплохо. Но в школе я не была с тех пор, как её окончила, а об односоставных предложениях имела ещё меньшее представление: курса русского языка я в МГУ не слушала, а читался ли синтаксис... Да, возможно, читался – только не мне. Что же касается диктантов, то если бы мне сейчас предложили это в нагрузку, я сказала бы «пасс!» и подалась на пенсию.

Но тогда, разумеется, до пенсии было далековато, да и пенсий ещё не было введено. Выбирать мне никто не предлагал, надо было выполнять и, обучая, учиться самой.

Весь первый год работы – это была «немножечко пытка». Ночей я не спала почти сплошь, разве что отсыпалась по воскресеньям. Каждый свободный час писала про односоставные предложения: сегодня выписывала их из Шахматова, ночью переваривала в голове, и завтра с утра, или придя с занятий, тщиалась придать переваренному и недопереваренному продукту некий мало-мальски товарный вид.

Что самое странное, подобие спецкурса таки получилось. Студенты сумели его подготовить и сдать, и по их ответам я тоже получила представление о том, какое сооружеице я нагромодила. Хорошо, что слова, отзвучав, перестают быть. Не хотела бы я сейчас услышать все то, что почти 30 лет назад слушали мои студенты. Но, может быть, – так, говорят, нередко бывает в истории, – они пострадали на благо следующих поколений, которые выпало мне учить. Во всяком случае я сама с тех пор знаю односоставные предложения. А какая-то тетрадь с записками тех времен сохранилась в моем архиве.

Андрей Петрович Дульзон, очень большой ученый, лекции читал скучновато и трудно. Я не умела их слушать, и практику вела по своему разумению. А Андрея Петровича лучше узнала, поняла и почувствовала его масштаб значительно позже, – пожалуй, только когда встретила с ним в 58 году на международном съезде славистов в Москве. Но все-таки и в те годы я, наверное, чему-то у него училась.

Бог знает, когда, как и чему учится человек. Мне даже кажется иной раз, что «учить», в том смысле, в каком учат студентов в институтах, ужасно неблагодарное дело. Я знаю, что это суждение и легкомысленное, и просто неверное. Знаю потому, что несколько раз в жизни сталкивалась с ситуациями перемены специальности. Это бесконечно трудное дело – стать профессионалом в той области, которой тебя не учили в школе. Даже очень талантливые люди на годы ставят этим себя в положение дилетантов, и если к тому же они критичны к самим себе, это может породить неизживаемый комплекс. Комплекс профессиональной неполноценности.

Сама я ведь тоже меняла специальность, хоть и в рамках факультета. Но про себя же я знала, что в университете вся моя специализация шла по профилю литературоведения. Лингвистические дисциплины прошли где-то в поле лишь бокового зрения. В этой сфере я не прошла никакой школы. В молодости, читая о разных учёных – «был учеником Фортунатова», «учился у Овсяннико-Куликовского» – удивлялась: мало было студентов и у того, и у другого? Не знала,

что это значит – иметь учителя, проходить школу, учиться. Не просто, а именно у своего наставника...

Это, вероятно, большая потеря. Ибо у медали всегда есть две стороны. Этой второй стороной, которая сейчас определяет меня как учёного, явилась моя свобода от традиции. И я не знаю, может ли это качество, ценимое мною в самой себе, быть унаследовано моими лучшими учениками. И если да, то в какой форме, – не в отрицании ли традиции? Я-то не отрицаю её, но стремлюсь уважать и знать. Просто я не научена видеть вещи такими, какими их видит традиция. Многие я увидела и восприняла через другую призму, которую сама же и строила, овладевая наследием без особой системы.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
30.07.2024*

Сведения об авторе

Запорожченко Галина Михайловна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: galinakoop@yandex.ru
ORCID 0000-0002-1237-0792

Information about the Author

Galina M. Zaporozhchenko – Doctor of History, Senior Researcher at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: galinakoop@yandex.ru
ORCID 0000-0002-1237-0792